

Стихи Михаэля Шерба – монолог, направленный в самую себя. Движение его поэтической мысли – глубокой и сосредоточенной – побуждает нас к внимательному вчитыванию. Так открывается путь к художественному мировосприятию автора. Точный звук, богатая метафорика поддерживают достоинства стихотворной речи этого самобытного поэта.

Д. Ч.

* * *

Года по лекалам летят,
Пока не приходят поэты,
И разоблачают предметы,
И фантиками шелестят.

О, как я безмерно устал
От натиска их эскадрильи:
То тащат на небо за крылья,
То за ноги тащат в подвал.

Поэты наследуют мир,
И тут же его разрушают,
И сразу другой сочиняют,
И вновь протирают до дыр.

Поэты всегда в рядовых.
Туфта и притворство им имя.
Безвестность сомкнётся над ними
Как стебли гигантской травы.

Их слёзы, и смех их, и грех, –
Ничтожны, как пятна на солнце.
Но кто-то из них задохнётся –
И хватит дыханья на всех.

тоска

1.

Загадаешь желанье, хотя не смогла догадаться,
Что из третьего глаза упала на щёку ресница.
Я тоскую по тем, кто ушел и не хочет вернуться,
И по тем, кто, вернувшись, в пути поспешил измениться.

Грусть-тоска по тому, кто уже никогда не вернётся.
Но о чем горевать, если близость разбилась, как блюдце?
Лучше слушать во сне шепелявые ветки акаций,
Как они шелестят и над нами глумливо смеются.

2.

Тень тоски, настоящая на коньяке,
По той, которая уже далече:
С ней разговариваю на ласточкином языке
Вью из мусора слов гнезда речи.

Перечтёшь переписку – из каждой божьей строки
Выглядывает воспоминание – как из свитера горло голое.
И тотчас принимаешься тесто месить на стихи,
Добавляя воду к существительным и глаголам.

В перманентной тоске обретаешь циничный уют
И стабильность мёртвого. Но что мне поделать с собою,
Если чувства от памяти отстают,
Как от стенки плохо приклеенные обои?

Только бабочка прошлого, порхающая у виска
Или у краешка глаза тысячелетнего горца,
Видит круги, которые прочертила тоска
На выцветшей радужке, как годовые кольца.

немного мне надо, не много...

Немного мне надо, не много...
Реки серебрится рука.
Остыла небесная сдоба.
День блюдецек и кипятка.

Заката секундная стрелка,
Обводит пространство вокруг.
Прищурилась слепо горелка,
Снежок за окном близорук.

Напрасен идущий на убыль,
Последний до пасхи урок,
И лучик, уткнувшийся в угол
Указкою наискосок.

Потом наступают потёмки
И сумраку хочется, чтоб
Летающие пряди позёмки
Спадали на призрачный лоб.

Попытка почувствовать зиму,
Как шерсть одеяла, спиной.
Бульонный болотистый климат,
Дымящийся свет отварной.

Поддавшись природной цезуре,
Забраться с романом в кровать.
Не литеря – температура,
Себя самого согревать.

От пятницы до воскресенья
Спасибо за всё, что дают:
Печенье, чай, птичье пенье,
Соленья, салаты, салют.

элегия для себя

В лоб целуя тебя, словно сам только что сотворил,
Из земли и желанья, чтоб кто-то меня полюбил,
Помолившись судьбе, чтобы день беспечально прошёл,
Улыбаюсь себе, выдыхая во тьму – «хорошо!»

И, включенной мобилкой полкруга во тьме прочертив,
Нахожу, наконец, на столе кошелёк и ключи,
Выхожу из подъезда, как в космос, в морозный январь
Из египетской тьмы - под янтарного света фонарь.

Я бегу, в полусне застегнувши скафандр пальто,
На метро, огибая консервные банки авто.
И такая в гортани сгустилась к утру пустота, –
Прорывается брызгами смеха из краешка рта.

Ветер пишет по лужам, да почерк – поди, разбери.
Тщетно борется стужа снаружи с пожаром внутри,
Словно натиск прибоя столкнулся с волною огня,
Словно что-то случилось со мной, но уже без меня.

Показалось опять, что душа собирается в путь.
Не настолько я свят, чтоб безропотно душу вернуть.
Но она, не спросившись, уходит на свет не спеша.
Чем заплатишь за жизнь опустевшему телу, душа?

ватное

К исходу ноября, когда
На лужах молодого льда
Хрустели тонкие волокна,
И проседали провода,
Закутаны в прозрачный кокон
Остекленевшего дождя,
Мы, привечая холода,
Заклеивали щели в окнах.

И до весны, до той поры,
Когда сквозь снежные ковры
Асфальт проглянет островами,
Приманкою для детворы
Мерцали блёстки мишуры
На пыльной вате в междурамье.

Там был неведомый простор
Заснеженных долин и гор, —
Спеша украсить их верхушки,
Мы измельчали в порошок
Осколки елочных игрушек
И посыпали простодушный
Меж стёкол запертый мирок,

А небо посыпало нас
Пургою радужной, хрустальной,
Пока мерцал морозной тайной
Зимы двойной иконостас.

огарок

Спешил, — белоснежный и чистый, —
Как прежняя русская речь,
На лапах еловых лучиться,
Платанам на плечи прилечь.

Кружась меж домов и соборов,
Обзор заметал, невесом,
Расставил фарфоровый город, —
Сервизом на сотни персон.

Слетал на косынки и шубы,
На выбоины мостовой...

Постой, не облизывай губы,
Не прячься в подъезде, постой!

С кислинкою запах сосновый.
Морозно ль щекам? Горячо.
Чего ж так не терпится — новый?!
Ведь этот не старый ещё.

Пока он исполнен свеченья,
Бордовой припухлости гланд,
Пусть выложит слово «сочельник»
Лампадками тусклых гирлянд.

Рассветов густая заварка
И сумерек ранних ленца...

Пусть жалость свечного огарка
Во мне догорит до конца.

МОТЫЛЬКИ

Я морю Средиземному навстречу
Бегу, чтоб окунуться с головой
В накачанные тёплым ветром плечи,
В напевно-пенный рот его седой.

Не липнет море к телу и губам,
Лишь отмывает кожу, как посуду,
Там бабочки живут не по углам,
Как думают насмешники, а всюду, —

Порхают над поверхностью, скользя,
В глубинах вод парят, как в стратосфере.
Не верить в море до конца нельзя, —
Оно течёт и там, за гранью веры.

Когда мы с морем станем стариками,
И даже тем, что после стариков,
Господь в лицо нам прыснет мотыльками, —
Он для того и создал мотыльков.

исход

Покинув прибежище карста,
Где время шипит, как змея,
Где эхом, шагами и картой
Привадить пространство нельзя,

Очнёшься в плацкарте на полке,
Зевнёшь и забудешь кошмар, —
Земля в васильковых наколках,
Над пашней — пшеничный угар.

Под лампами на полустанке
Проезжий, возжаждав глотка,
Цветной металлической банке
Сдирает бельмо со зрачка.

Очнёшься и вспомнишь свободу
Хлеба из различных посуды
В стране, где текущие воды
Кусты возле русла пасут.

Бесплодную пустошь измерив
Киркой и лотками лопат,
В смоле преждевременной смерти
Народом застыла толпа.

Душа пересмешника стынет
И вязнет в любви, как в меду
Лишь те погибают в пустыне,
Кому хорошо и в аду,

В краю, где над ливнями горя
Восходит молчанье цикад,
Где щепки, застрявшие в горле
У леса, уже не саднят.

память

Зал натюрмортов жив. Посмотришь на полотна:
У винограда – лоб, у яблока – бока,
А попытайся взять – и сквозь туман бесплот(д)ный
Пройдет насквозь рука.

В том зале, что внутри, всё так же – и иначе,
Не ранит руку нож, но режет кожу лён.
Достанешь экспонат – смеёшься или плачешь,
Ведь ты с любым из них уже отождествлён.

Над озером стрекоз застывшие кометы,
И духота духов, и влажность жемчугов, –
Театр для одного, где узники-предметы
Играют пьесу дня. Музей ни для кого.

Экскурсии в музей – опасные прогулки.
На что наткнёшься там – как знать наверняка?
То отчий дом найдёшь в забытом переулке,
То - скомканный платок, то – трупик хомяка.

Есть вещи пострашней хомячьей стылой тушки.

Такую светотень покажут ли в кино?

Повсюду на тебя расставлены ловушки,

И в каждую тебе попасться суждено, –

Сплошь минные поля. Смотрительница-память

Идёт-бредёт по ним из тени в пустоту,

Чтоб появиться вновь, нагруженной вещами...

Что ж эту мне несёшь, ведь я просил вон ту?!

Захочешь взять свечу – ухватишь тьму и стужу,

Потянешь за любовь – проглянут боль и жуть.

Быть может, смерти нет. Но вечность много хуже,

И не принадлежит она тебе ничуть.

крайнее

Он душу придумал: сквозь шторы век

Смотреть в бесконечную тьму,

И тело, чтоб только родной человек

Умел прижиматься к нему.

Он слух одолжил нам, – сквозь шорох и писк

Услышать Вселенной бит,

И разум, чтоб глядя на солнечный диск,

Изобрести зенит.

Он создал змею, – воплощённый страх

Извилистой жизни земной,

И выдумал птицу – она сестра

Пичуге в клетке грудной.

И вот ты лежишь перед Ним на спине

Петитом последних строк,

И лишь колокольчики света во сне

Касаются впалых щёк.

Лежит на бесплодной земле человек,

Над ним склонился Господь,

Меж ними лишь тонкая плёнка век, –

Последняя, крайняя плоть.

Нина Косман. Взлетевший во сне.
Холст, акрил, 13X18.